

ОТЧЕТ
О НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ
ПОТЕРЯХ

Даша
Завьялова

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-13

Художественное оформление *Анны Кроник*

Иллюстрация на обложке *мунташпена*

Завьялова, Даша.
З-13 Отчет о незначительных потерях / Даша Завьялова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.
ISBN 978-5-04-222016-6

Расследование ведет редактор — на этот раз в сеттинге заснеженного Хоккайдо.

По редакционному заданию Арисима Эмилия покидает Киото и отправляется на самый север Японии, где целиком исчез народ каигату. Одни винят вспышку холеры, другие – морского обакэ, демона садзаэ-они. Но Эмилия быстро понимает, что разгадка куда страшнее. Распутывая это непростое дело на краю света, девушка и сама оказывается в опасности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222016-6

© Завьялова Д., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Все описанные события являются
художественным вымыслом.
Исторические и национальные вопросы
лишь служат декорациями для сюжета, и автор
не ставит целью давать им точную оценку
или выражать политическую позицию*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Видели? — Хидэо, высокий смуглый юноша за стойкой, положил перед нами вечерний выпуск «Киото Симбун». — Сталина убили.

Газетная бумага зашуршала под пальцами Кадзуру — моего ближайшего соседа и друга. Сегодня, после короткого рабочего дня, мы пришли отдохнуть в бар, где теперь работал Хидэо. С Кадзуру они дружили давно, а втроем мы начали общаться после прошлогоднего расследования¹.

Свет ламп отражался на лакированном дереве, запах пива и крепкого алкоголя смешивался с табачным дымом, люди негромко переговаривались.

— Мой отец сказал, что он сам умер. — Кадзуру снял очки и потер глаза.

— Это, наверное, он от американцев узнал, — заметила я. — А вот в Токио говорят, что его убили свои. Сегодня у нас в редакции

---

¹ Речь о событиях первой книги цикла — «Личное дело господина Мурао».

обсуждали французские газеты: там пишут о заговоре.

Хидэо поставил перед Кадзуро бутылку пива и спросил:

— Эмико, а вы не хотели бы когда-нибудь поехать в Советский Союз?

Обе мои бабушки были русскими. О той, что была замужем за немцем и родила мою мать, я не знала ничего. Но вот о второй мне было известно достаточно. Она родила моего отца от японца здесь, в Киото, затем, в Русско-японскую, уехала с сыном и двумя младшими девочками в Российскую империю. Когда там случилась революция, мой отец, уже юноша, эмигрировал в Прагу, где встретил мою мать и где родилась я. Ни бабушка, ни сестры за ним не последовали. А меня родители отправили сюда восьмилетней девочкой, надеясь, что чем дальше от Европы — тем безопаснее. Здесь я превратилась из Эмили в Эмико и жила уже пятнадцать лет с тетей Кеико, сестрой моего деда, единственным оставшимся у меня родным человеком.

— Не планирую.

— Но хотели бы? — не отступал Хидэо. — Может, найдете родственников.

— Вряд ли. Бабушка тогда осталась в Петрограде. Даже не знаю, переписывалась ли она с отцом. И уж совсем сомнительно, что она выжила потом, в блокаду. Вы ведь знаете о ней?

Хидэо кивнул. А Кадзуро, не отрываясь от газеты, сказал, что я никуда не езжу, даже по Японии — какой уж мне Советский Союз и поиск родственников.

— Это правда? — удивился Хидэо. — Никуда не ездите? Даже на источники? Если соберетесь куда-нибудь — я бы мог вас сопровождать. Я давно присмотрел вторую половину марта для отпуска...

— Вот-вот, Эмико, выбирайся из своей раковины! — оживился Кадзуро. — Я бы тоже куда-нибудь съездил...

Тогда мне показалось, что это всего лишь праздные разговоры о новостях, которые не касаются меня лично. Вспомнила я об этом только через пару недель, когда смерть Сталина вдруг продвинула наше новое расследование.

* * *

В понедельник утром господин Иноуэ, мой начальник, велел зайти к нему после обеда. Такие вызовы случались и раньше, и ни один пока не заканчивался для меня плохо. Но тревога все равно каждый раз поднимала голову.

Весь оставшийся до обеда день я ощущала на себе взгляды старших редакторов. Их было шестеро, и все они, казалось, украдкой наблюдали за мной. Я и так выделялась: единственная

младшая сотрудница, единственная неяпонка в журнале. Меня взяли по рекомендации племянницы тетиной подруги, госпожи Итоо, и, как я надеялась, господин Иноуэ ни разу не пожалел об этом. Я ведь делала любую работу, в том числе ту, которую другие редакторы находили скучной, отвечала на звонки, выполняла мелкие личные поручения начальника, перепечатывала рукописи, изредка переводила с немецкого и французского. Я скучала — и одновременно боялась, что меня уволят.

Сотрудничество с Мурао Кэнъитиро, местным писателем, которому я помогала работать над романом, тоже шло не очень хорошо. Он был явно мной недоволен, хотя прямо ничего и не говорил. Камнем преткновения были любовные сцены: я не умела и не хотела их писать. Мурао спорил, отвоевывал каждую строчку таких сцен. Его терпение явно было на исходе, но и я не могла уступить: мне казалось, роман только проиграет из-за них, станет вульгарнее.

К обеду я успела переволноваться из-за всего: работы, романа и будущего в целом. Впервые за все время даже не поела в перерыв, и в кабинет господина Иноуэ я вошла уже в полной уверенности: он собирается меня уволить.

— Что-то ты сама на себя не похожа, — заметил он.

— Все в порядке, господин Иноуэ.

— Надеюсь. Потому что в ближайшее время тебе понадобится много сил.

Он замолчал, перебирая бумаги на столе.

Значит, все-таки увольнение. Но почему? Почему он даже не попытался поговорить со мной, предложить что-то другое?..

Наконец господин Иноуэ нашел нужную бумагу, надел очки и заговорил:

— Хочу поручить тебе одно расследование. Ты можешь отказаться: возможно, оно ничего не стоит... Но может, и станет хорошим материалом для номера.

Значит, он вовсе не собирался меня увольнять — напротив, давал шанс проявить себя. Я решила, что соглашусь, каким бы ни было это дело. Тем более что господин Иноуэ сказал «расследование», значит, меня ждало что-то более интересное простого репортажа!

— В пятницу я получил сообщение от... — Он перевернул лист. — Сугино Чисако, журналистки из газеты на Хоккайдо. По стилю письма мне показалось, что она совсем молодая, не слишком образованная, но бойкая. Думаю, вы поладите.

Он снова заглянул в письмо:

— Сугино пишет, что в их уезде есть небольшой поселок, где до недавнего времени уединенно жил немногочисленный народ. Местные называют их каигату. Вернее, называли: какое-то время назад все люди исчезли.

Даша Завьялова

— Как? Все?

Начальник пожал плечами:

— Если верить этой девушке, да. Конечно, вряд ли все так драматично, как она описывает. Может, ошибка в документах, может, людей просто отправили на холерный карантин — она и это упоминает. Я дам тебе письмо, прочтешь сама. Хочу, чтобы ты съездила туда и разобралась.

Я молча кивала. Как удачно, что Хидэо и Кадзуру еще в субботу предложили сопровождать меня в поездке! Поехать с кем-то одним из них было бы, наверное, неловко, а вот компанией — совсем другое дело.

Господин Иноуэ продолжал:

— Мы слишком долго работали только с теми материалами, что сами приходят в редакцию. В этом мы проигрываем новостным изданиям. То, что мы исторический журнал, нас не оправдывает. Наоборот, люди должны чувствовать: все, о чем мы пишем, тесно связано с их жизнью. В следующем году я отправлю Кае на Окинаву, где будут раскопки, она сделает репортажи оттуда. А в этом году ничего особенно интересного нет... кроме этой истории.

— Думаете, я справлюсь, господин Иноуэ?

— Честно говоря, я даже не знаю, с чем придется справляться. — Он сложил страницы письма в конверт и протянул его мне. — Если все окажется не так серьезно, как пишет эта Сугино,

там хватит свежего взгляда и внимательности. Что-что, а это у тебя есть. Скажем, если это бюрократическая ошибка, ты быстро разберешься. Но если там действительно исчезли люди... — Он замолчал и посмотрел в окно. — Впрочем, ты ведь справились с делом Кэнъитиро. Съезди. Он, кстати, тоже считает, что тебе пора развеяться.

— Кто?

— Да господин Мурао же. Я знаю от него, что вы сотрудничаете и что у вас... не все гладко.

Какое унижение! Мало того что Мурао признавал, будто я не справляюсь и противодействую ему, хотя отрицал это, так еще и обсуждал это с другими людьми. Господин Иноуэ, видимо, заметил, что я разволновалась, и сказал:

— Ничего, ничего, это бывает. Ступай. Почитай вечером письмо Сугино и, если будут вопросы, приходи обсудить. Если решишь поехать, отправляться нужно на этой, в крайнем случае на следующей, неделе.

Я вышла из кабинета господина Иноуэ и вернулась на свое место. Четверо старших редакторов были еще на обеде, двое оставшихся служащих уже вернулись и правили рукописи, молча скрипя карандашами. Одна из редакторов, молодая женщина по имени Цудзи Минори, подняла голову и спросила:

— Начальник отправляет тебя на север, расследовать эту странную историю?

Даша Завьялова

— Да, — ответила я, не вдаваясь в подробности.

Она прищурилась.

— А... мне тоже предлагал.

— Вот как?

Интересно, что бы это значило. Господин Иноуэ все-таки думал, что дело может оказаться серьезным, поэтому сначала предложил его Цудзи? Или наоборот — дело это действительно ничего не стоило, но я была запасным вариантом даже для него?..

Письмо Сугино Чисако я открыла еще по дороге домой, как только села в трамвай. Писала девушка старательно, крупными, полудетскими иероглифами и была действительно, как подметил господин Иноуэ, очень эмоциональной и словоохотливой.

Господин главный редактор «Дземон»!

Позвольте мне начать теплыми словами с нашего морозного севера. Март здесь все еще больше похож на февраль: лед хрустит под ногами, а ветер хватает за уши и пробирает до костей. Я представляю, как у вас на юге зацветает слива, и эта мысль согревает, хотя за моим окном все еще холодная пустыня.

Меня зовут Сугино Чисако. Я недавно устроилась работать в газету в Моккабэцу, сразу после школы. Работа у нас тихая и даже скучноватая:

пишем мы большей частью про ремонт дорог и местные праздники. Но на днях я столкнулась с чем-то удивительным и даже страшным!

Дело касается народа, который проживает в нашем уезде, в поселке Хокуторан. Народ это небольшой, но с богатой культурой, поэтому я и пишу прежде всего вам, в исторический журнал. Мы называем их кайгату, а сами себя они зовут кайгатль. Давно-давно, говорят, народ был весьма многочислен, а потом смешался с прочими и рассеялся, однако в Хокуторане осталась небольшая община. Жили они уединенно, разве что иногда им возили почту.

Осенью до нас дошли слухи, что в поселке вспыхнула эпидемия холеры. Наш врач, господин Танабэ, встревожился и предложил поехать с ним, чтобы все выяснить. Конечно, я согласилась! Но когда мы добрались до места, оказалось, что дорога перекрыта огромным камнем, а на въезде стоит человек — без формы, но с оружием. Он сказал, что поселок на карантине, и заверил, что все под контролем. Однако неделю назад к нам в газету пришло письмо от женщины из Кагосимы, у которой в поселке родственники — две семьи, и обе не отвечали на письма. Женщина написала старосте, которого тоже знает, но не ответил и он. Эта госпожа совсем старая и слабая, ей самой не доехать, вот она и написала нам. Тогда я съездила в Хокуторан

Даша Завьялова

еще раз — пробралась со стороны гор и прошла по дворам. Везде было запустение, грязь и какой-то странный беспорядок, как будто люди не живут там много лет — хотя я точно знаю, что прошлым летом рыбаки были на месте. Я хотела походить еще по домам в надежде, что найду какие-то ответы, но увидела, как к поселку подъехала машина, и убежала.

Очень надеюсь, что вы пришлете кого-то, кто мог бы расследовать это дело. Мое начальство строго запретило мне задавать вопросы местным чиновникам — говорят, не зная об исчезновении они не могут, а если знают и ничего не объявляют, значит, не нашего ума дело. Конечно, я все равно кое-что предприняла: например, в полиции к моему рассказу отнеслись с интересом и дважды вызывали на допрос, но только вот дело никуда не сдвинулось. Тогда я написала в криминальную хронику в Саппоро и в несколько исторических изданий.

Есть еще одно, о чем я обязана сказать. Местные говорят, что в исчезновении каигату виновен морской демон. Сама я в это вроде бы не верю... но все-таки с моря, как раз с побережья неподалеку от Хокуторана, порой слышны страшные, ни на что не похожие звуки. Кто или что их издает — мы не знаем.

И наконец, самое для вас интересное, господин главный редактор. Каигату владеют осо-

бенным искусством инкрустации перламутром: они используют ракушки, выловленные в море около их поселка. Я прикладываю фото из газеты, издаваемой в Саппоро, чтобы вы убедились в редкой красоте их искусства. Что с ним будет, если не найдутся люди, которые им владеют? Ремесло инкрустации в Японии хотя и немного, но обеднеет...

*С уважением и огромной надеждой
на помощь, Сугино Чисако*

Мне стало стыдно: ведь я старше, но боюсь выехать за пределы префектуры даже с друзьями, а эта Чисако, вчерашняя школьница, одна бродила в горах — там, где исчезло столько людей и где она лично видела неизвестного с оружием. Я заглянула в конверт: действительно, как и писала девушка, там было несколько газетных вырезок с фотографиями. Я было достала их, но трамвай уже свернул на мою улицу, и я решила рассмотреть снимки после ужина.

— Ну что, все в порядке? — спросила тетя.

Утром я как раз делилась с ней беспокойством насчет работы, и она, видимо, весь день тревожилась вместе со мной.

— Да, да, все в порядке! И не только: господин Иноуэ предложил мне провести редакционное расследование. Пожалуй, не нужно убирать